

Научная идентичность КАК ОСНОВА ДЕФИЦИТНОЙ МОДЕЛИ*

Жаров Александр Михайлович – аспирант. Институт философии РАН. Российская Федерация, г. Москва, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Исследователь. Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». Российская Федерация, 105062, г. Москва, Лялин пер., 1/36, стр. 2; e-mail: aleks.zharoff2016@yandex.ru

Дефицитная модель научной коммуникации оказалась отброшена в дескриптивном своем аспекте как не соответствующая реальности. Однако в нормативной своей части, с нашей точки зрения, дефицитная модель сохраняет устойчивую популярность. Именно дефицитная модель, в сравнении с остальными, ориентирована на строгое соблюдение границ идентичности научного знания, отличия его от всего ненаучного. В статье мы подвергаем критике концепцию идентичности научного знания как ценности. Сначала мы обнаруживаем проблематичность во внутрискруктурном стремлении сохранить научную идентичность. С одной стороны, желание жестко соблюсти границы противоречит потребности в научном развитии и выработке нового знания. Таким образом, наука расколота уже в нормативной своей части. С другой стороны, существует множество исследований, демонстрирующих, что наука не сохраняет свою идентичность ни в синхроническом, ни в диахроническом срезе. Затем мы обнаруживаем, что и в своих взаимоотношениях с внешней средой наука никогда не была полностью самостоятельна и степень ее идентификации регулировалась обществом, функциональной частью которого наука и является. Наука лишь занимает привилегированное социальное положение, пока общество выдает ей мандат на выполнение данной социальной роли. И даже сами ученые руководствуются далеко не только научными познавательными практиками. Мы утверждаем, что наиболее удачным будет модель коммуникации, расположенная посередине между диалоговой и участвующей.

Ключевые слова: наука XXI в., идентичность науки, научное финансирование, научная идеология, дефицитная модель

SCIENTIFIC IDENTITY AS THE BASIS OF THE DEFICIT MODEL

Alexander M. Zharov – PhD Student. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12 Goncharnaya St., bd. 1, Moscow 109240, Russian Federation.

The deficit model of scientific communication has been largely abandoned in its descriptive aspect as inconsistent with reality. However, from our perspective, the deficit model retains enduring popularity in its normative dimension. It is the deficit model, in contrast to others, that emphasizes strict adherence to the boundaries of scientific knowledge's identity, distinguishing it from all that is non-scientific. In this article, we critique

* Исследование подготовлено при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-10171 «Трансдисциплинарные концептуализации научного прогресса: проблемно-ориентированный, семантический и эпистемический подходы. К 100-летию со дня рождения Томаса Куна и Имре Лакатоса».

Researcher.
Interregional
Non-Governmental
Organization "Russian Society
for the History and Philosophy
of Science".
1/36 Lyalin lane, bd. 2,
Moscow 105062,
Russian Federation;
e-mail: Aleks.zharoff2016@
yandex.ru

the concept of scientific knowledge's identity as a value. First, we identify problematic aspects in the intra-structural imperative to preserve scientific identity. On the one hand, the insistence on rigid boundaries conflicts with the need for scientific progress and the generation of new knowledge. Thus, science is already fractured in its normative dimension. On the other hand, numerous studies demonstrate that science fails to maintain its identity in either synchronic or diachronic perspectives. Next, we observe that in its interactions with the external environment, science has never been entirely autonomous; rather, the degree of its identification has been regulated by society, of which science is a functional part. Science merely occupies a privileged social position as long as society grants it a mandate to fulfill this role. Even scientists themselves are guided by far more than just scientific epistemic practices. We argue that the most effective model of communication lies midway between the dialogic and participatory models.

Keywords: 21st century science, identity of science, scientific financing, scientific ideology, deficit model

Евгений Геннадьевич Цуркан очерчивает широкое проблемное поле в моделях коммуникации науки и общества. Мы бы хотели обратиться прежде всего к дефицитной модели и рассмотреть ее в контексте проблематики сохранения идентичности научного знания.

Прежде всего очертим границы между дескриптивными составляющими этой модели (описание настоящего) и нормативными (организация будущего). В дескриптивном отношении большинство исследователей сегодня признает дефицитную модель ошибочной: практика однозначно показала, что просвещение не является ключевым фактором – люди могут быть прекрасно осведомлены о позиции науки по тому или иному вопросу, но не соглашаться с ней. Тем не менее в качестве нормативного проекта дефицитная модель до сих пор жива: именно она более, нежели остальные, ориентирована на сохранение строгой идентичности науки. В случае невмешательства вне-научной среды в дела науки последняя сможет стабильно существовать, соответствуя ранее установленным чисто эпистемическим ценностям.

Научная идентичность с интерналистской перспективы

В основе страха утраты научной идентичности лежит своеобразная онтология, утверждающая, что, (1) только сохраняя строгие границы научного и ненаучного знания, наука способна реализовываться и развиваться; (2) существование этой самой идентичности, которую нужно оберегать.

Однако здесь возникают противоречия. В случае (1) сторонники дефицитной модели одновременно стремятся жестко отсекают все примеси ненаучного знания, но с одобрением смотрят на революционные этапы в развитии научного знания, когда границы научной идентичности резко нарушаются. В научной идентичности совмещается два совершенно разнонаправленных, раскалывающих, движения. С одной стороны, это стремление определить раз и навсегда объективные, фиксированные, истинные законы мироздания и правильной познавательной практики, основанной на рациональности, проверяемости и т.д. С другой, это стремление избегать абстрактных редукционистских упрощений (на этой основе, например, изначально противопоставлялись наука и религия), стремление максимально достоверно охватить мир во всем его разнообразии; данное стремление также включает в себя идеал скептицизма, отрицания непреложных авторитетов (например, рациональности) и конструктивной критики.

В случае (2) наука фактически теряет свою идентичность как в синхроническом, так и в диахроническом срезах. Историки науки продемонстрировали временную изменчивость научной идентичности даже в таких фундаментальных понятиях, как объективность [Дастон, 2018], научное наблюдение [Daston, 2011], научное доказательство [Dear, 2005; Shapin, 2011; Хакинг, 2020], рациональность [Тулмин, 1984], редукция и т.д.

Сегодня мы можем наблюдать разнообразие принципов, лежащих в проведении научных исследований [Knorr-Cetina, 1999], разнообразие онтологий в рамках одной научной дисциплины [Мол, 2017], разнообразие не имеющих ничего общего направлений, которые объединяет в первую очередь генеалогия, а не фиксированные признаки [Хакинг, 2020]. Принципы объединения в научные дисциплины, направления и теории проще уподобить «семейным сходствам» Витгенштейна. В конце концов, сами ученые высказывают поразительное разнообразие противоречащих друг другу суждений о природе и методе науки [Shapin, 2011].

С критикой мнимого единства и цельности научных теорий выступал С. Тулмин, представляя их по аналогии с «популяциями», состоящими из самостоятельных элементов, и призывая «разбить... ультрасистемную... точку зрения» [Тулмин, 1984, с. 140]. К подобному творческому «разбиению» призывает и С. Фуллер, но уже в отношении социального капитала науки: научный консенсус – это скорее конструкт, который применяется при необходимости противостояния общему врагу [Фуллер, 2021]. Вопрос сохранения идентичности подразумевает необходимость редукции, подчинения одного явления другому. Но оберегает ли фактически свою идентичность наука в отношениях со внешней средой? Исключено ли вмешательство не-науки во внутринаучные процессы?

Научная идентичность и вненаучная среда

Если оценить схему трех моделей взаимодействия науки и вненаучной среды из необходимости сохранить идентичность, то можно заметить, что в каждой из трех моделей наука является субъектом беспокойства. В XX–XXI вв. любые отношения науки и общества асимметричны не в пользу науки. Сегодня научные исследования могут производиться только при больших финансовых вложениях, поэтому наука принципиально зависима от финансирования со стороны общества. Ситуацию, когда наука способна существовать либо за счет государственных средств, либо за счет средств частного капитала, когда не-ученые не только выполняют вспомогательную функцию (как в «гражданской науке»), но и влияют на принятие значимых решений, обозначают как «академический капитализм» [Вострикова, 2015]. Ученые вынуждены уделять очень значимое внимание риторической форме презентации научного знания [Уайт, 2002; Герген, 2016], в научном убеждении чаще действует не логическая необходимость, а иные силы [Latour, 1999], ученые вынуждены тщательно подбирать слова и верным образом «переводить» свои заключения для общества [Латур, 2015].

В такой модели наука вынуждена балансировать. Умеренный дефицит выгоден науке – он позволяет ей поддерживать собственный образ «черного ящика», таинственного источника решения всех проблем, обращаться с которым способно только небольшое число узких специалистов. В каждой модели наука вынуждена справляться с определенными проблемами: в соучаствующей – стараться не утратить свою идентичность и автономию, в диалоговой – убедить общество в своей полезности. И даже в дефицитной модели ей зачем-то нужно преодолевать дефицит научного знания в обществе. Почему-то это проблема именно науки, а не самого общества, не поспевающего за наукой.

Наука как часть общества

Если исходить из ценности сохранения научной идентичности, то описанные модели можно выстроить в простой ряд одномерной шкалы, где на одном полюсе нам представлен успех науки, а на другом – успех общества. На одном ее полюсе наука обладает в обществе особым статусом (дефицитная модель). Общество не смеет определять направление ее исследований и даже, наоборот, внимательно прислушивается к науке. Здесь наука обладает правотой в последней инстанции в любом вопросе.

На противоположном полюсе оказывается участвующая модель, где наука в значительной мере подчинена обществу: она теряет свою идентичность как институт поиска истины и становится лишь инструментом в решении общественных проблем. Диалоговая модель находится где-то посередине, где борьба за доминирование идет с переменным успехом.

Функция науки заключается в организованной реализации познавательной деятельности. В дискурсах ученых, политиков и общественности существуют совершенно разные взгляды на цели научной деятельности, ее результаты, риски, пользу, соотношение с социальными и этическими нормами и т.д. [Smallman, 2017]. М. Каллон указывает априорную недостаточность и комплиментарность знаний профессиональных экспертов перед непрофессиональными, так как последние более включены в конкретный контекст [Callon, 1999]. Таким образом, в современном обществе значительно развилась и стала популярной внеаучная экспертиза, причем вследствие не невежества, а, наоборот, роста осведомленности о научном знании.

Получается, что научное знание скорее представляет из себя некий привилегированный, обладающий самой масштабной рекламной компанией, бренд среди других брендов. Существующий порядок сложился в результате того, что научная партия, выступающая за определенные познавательные практики, «режим истины» [Фуллер, 2021], завоевав кредит доверия, набрала нужный перевес в процентном соотношении на своеобразном голосовании и получила мандат в кресло главного ученого в социуме, а заодно и грант на финансирование и всяческую поддержку со стороны государства и корпораций. Раньше подобные мандаты могли получать сообщества, продвигающие расологию, френологию, евгенику, «пролетарскую науку» и т.д. в качестве познавательных практик.

Заключение

Главный феномен, который сегодня закрепляет популярность дефицитной модели коммуникации науки и общества – широкая распространенность научной идентичности и приоритета научного знания в качестве основной ценности. Однако идентичность, единство, исключительность и независимость научного знания – не более чем нарратив ученых о самих себе, поэтому, с нашей точки зрения, наиболее полезным для научного «расколдовывания мира», роста адаптации к окружающей среде и комфортного сосуществования станет признание науки в качестве лишь одной из множества иных познавательных практик, исторически обретшей привилегированное положение. Научный этос, требующий открытости новому знанию, учета

разных точек зрения, вынуждает науку идти на диалог с «внешней» средой.

Причем нам видится, что наиболее эффективно диалог будет протекать, если сторона ученых будет занимать позицию «честных брокеров», по классификации Р. Пилке [Pielke, 2007]. Стейкхолдеры (непрофессиональные эксперты, по М. Каллону) будут вводить ученых в контекст своих потребностей, а ученые уже в свою очередь, в форме предложения различных опций, интегрировать научное знание. Уже существуют проекты пространства междисциплинарного диалога вроде «зон обмена» П. Галисона [Касавин, 2017], по аналогии возможно развивать идею «зон обмена» и между наукой и обществом. Одним из претендентов на данную роль, уже показавших свою эффективность на практике [Leith, 2016], является концепция пограничных организаций Д. Гастона.

Сотрудничество науки и общества возможно только при отказе от строгих фиксированных границ, допущении им быть проницаемыми. Отказ от строгого определения границ и идентичности подразумевает и открытость для новых ценностей – для науки должна иметь значение не только истина, но и общественная польза, следование этическим ценностям и т.д. Однако остается открытым вопрос: возможно ли с точки зрения науки воспринимать общество как единую вненаучную среду или же каждая вненаучная часть общества (например, органы политической власти, корпорации, экологические движения и т.д.) требует индивидуальных механизмов выстраивания отношений?

Список литературы

- Вострикова, 2015 – *Вострикова Е.В., Куслий П.С.* Неолиберализм в науке: подход STS // Эпистемология и философия науки. 2015. № 4. С. 105–127.
- Герген, 2016 – *Герген К.Дж.* Социальная конструкция в контексте. Харьков: Гуманитарный центр, 2016. 328 с.
- Дастон, 2018 – *Дастон Л., Галисон П.* Объективность. М.: НЛО, 2018. 584 с.
- Иванов, 2020 – *Иванов К.* Астрономы и топографы в борьбе за Центральную Азию. Заметки к эпистемологии колонизации // Логос. 2020. № 2. С. 15–40.
- Касавин, 2017 – *Касавин И.Т.* Зоны обмена как предмет социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2017. Т. 51. № 1. С. 8–17.
- Латур, 2015 – *Латур Б.* Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2015. 316 с.
- Мол, 2017 – *Мол А.* Множественное тело: онтология в медицинской практике. Пермь: Hyle Press, 2017. 254 с.
- Тулмин, 1984 – *Тулмин С.* Человеческое понимание. М., 1984. 328 с.
- Уайт, 2002 – *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Фуллер, 2008 – Фуллер С. Социальная эпистемология университета: как сохранить целостность знания в так называемом обществе // Эпистемология и философия науки. 2008. № 1. С. 158–185.

Фуллер, 2021 – Фуллер С. Постправда: знание как борьба за власть. М.: ИД ВШЭ, 2021. 368 с.

Хакинз, 2020 – Хакинз Я. Почему вообще существует философия математики? М.: Канон+, 2020. 400 с.

References

Callon, 1999 – Callon, M. “The Role of Lay People in the Production and Dissemination of Scientific Knowledge”, *Science, technology and society*, 1999, vol. 4, no. 1, pp. 81–94.

Campbell, 2017 – Campbell, D.T. “Ethnocentrism of disciplines and the fish scale model of omniscience”, *Interdisciplinary Relationships in the Social Sciences*. London, 2017, pp. 328–349.

Daston, 2011 – Daston, L. “The Empire of Observation, 1600–1800”, in: L. Daston & E. Lunbeck (eds.) *Histories of Scientific Observation*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 2011, pp. 81–113.

Daston, 2018 – Daston, L., Galison, P. *Ob’ektivnost’* [Objectivity]. Moscow: NLO, 2018. (Trans. into Russian)

Dear, 2005 – Dear, P. “What Is the History of Science the History Of?”, *Isis*, 2005, vol. 96, pp. 390–406.

Fuller, S. “Social’naya epistemologiya universiteta: kak sohranit’ celostnost’ znaniya v tak nazyvaemom obshchestve” [Social Epistemology of the University: How to Preserve the Integrity of Knowledge in the So-Called Society], *Epistemology & philosophy of science*, 2008, no. 1, pp. 158–185.

Fuller, S. *Postpravda: znanie kak bor’ba za vlast’* [Post-truth: Knowledge as a Struggle for Power]. Moscow: ID VShE, 2021. (Trans. into Russian)

Gergen, 2016 – Gergen, K. *Social’naya konstrukciya v kontekste* [Social Construction in Context]. Kharkov: Gumanitarnyj centr, 2016.

Hacking, 2020 – Hacking, I. *Pochemu voobshche sushchestvuet filosofiya matematiki?* [Why Is There Philosophy of Mathematics at All?] Moscow: Kanon+, 2020. 400 p. (Trans. into Russian)

Ivanov, 2020 – Ivanov, K. “Astronomy i topografy v bor’be za Central’nyu Aziyu. Zametki k epistemologii kolonizatsii” [Astronomers and Topographers in the Struggle for Central Asia. Notes on the Epistemology of Colonization], *Logos*, 2020, no. 2, pp. 15–40. (In Russian)

Kasavin, 2017 – Kasavin, I. “Zony obmena kak predmet sotsial’noi filosofii nauki” [Trading Zones as a Subject-matter of Social Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2017, vol. 51, no. 1, pp. 8–17. (In Russian)

Keulartz, 2016 – Keulartz, J., Belt, H., van den. “DIY-Bio – Economic, Epistemological and Ethical Implications and Ambivalences”, *Life Sciences, Society and Policy*, 2016, vol. 12, no. 1, pp. 1–19.

Knorr-Cetina, 1999 – Knorr-Cetina, K. *Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge*. Cambridge, London: Harvard University Press, 1999.

Latour, 1999 – Latour, B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 1999.

Latour, 2015 – Latour, B. *Paster: Vojna i mir mikrobov, s prilozheniem "Nesvodimogo"* [Pasteur: War and the World of Microbes, with the application of the "Irreducible"]. Saint Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2015.

Leith, 2016 – Leith, P., Haward, M., Rees, Ch., Ogier, E. "Success and evolution of boundary organization", *Science, technology & human values*, 2016, vol. 41, no. 3, pp. 375–401.

Master, 2013 – Master, Z., Resnik, D.B. "Hype and Public Trust in Science", *Science and Engineering Ethics*, 2013, vol. 19, no. 2, pp. 321–335.

Mol, 2017 – Mol, A. *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike* [The Body Multiple: Ontology in Medical Practice]. Perm: Hyle Press, 2017. (Trans. into Russian)

Pielke, 2007 – Pielke, R.A., Jr. *The Honest Broker: Making Sense of Science in Policy and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Shapin, 2011 – Shapin, S., Schaffer, S. *Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors)*. Princeton: Princeton University Press, 2011.

Smallman, 2017 – Smallman, M. "Science to the Rescue or Contingent Progress? Comparing Ten Years of Public, Expert and Policy Discourses on New and Emerging Science and Technology in the United Kingdom", *Public Understanding of Science*, 2017, vol. 27, no. 6, pp. 1–19.

Tulmin, 1984 – Tulmin, S. *Chelovecheskoe ponimanie* [Human Understanding]. Moscow: Progress, 1984.

Vostrikova, 2015 – Vostrikova, E.V. and Kusliy, P.S. "Neoliberalizm v nauke: podhod STS" [Neoliberalism in Science: the STS Approach], *Epistemology & philosophy of science*, 2015, no. 4, pp. 105–127.

White, 2002 – White, H. *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX v.* [Metahistory: Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2002.

Wynne, 1996 – Wynne, B. "May the Sheep Safely Graze? A Reflexive View of the Expert-lay Knowledge Divide", in: S. Lash, B. Szerszynskia, D. Wynne (eds.). *Risk, Environment and Modernity*. London: Sage, 1996, pp. 44–83.